

)

Столкнувшись с такой неожиданностью, Гуань Е замер всего на долю секунды, но тут же нашел оправдание, чтобы сгладить неловкость. Однако прежде чем он успел вымолвить хоть слово, до его слуха донесся восхищенный голос Ци Шуюэ:

- Ничего себе! - искренне поразился Ци Шуюэ. - Это что, суперспособность?

Сообразив, что Гуань Е уставился на него, Ци Шуюэ «м-м-м»-кнул и добавил:

- Я в кино видел... Раз уж зомби повылазили, то появление сверхспособностей - это вполне нормально, верно?

Гуань Е, будучи парнем несколько старомодным, во всей этой интернет-моде не разбирался, однако по самому слову «сверхспособность» вполне смог догадаться о смысле.

Больше его волновало другое: Ци Шуюэ, кажется... совсем его не боялся.

И не считал, что обладание такой силой делает его монстром.

К этому моменту Ци Шуюэ уже с любопытством подошел к разрушенной кровати и с разочарованием констатировал, что все его вещи окончательно погибли. Ему было немного жаль - в конце концов, там висела его любимая пижама с котиками и привычный оливково-зеленый шарф, а теперь от них осталась лишь серая зола.

Впрочем, к счастью, в шкафу оставалось еще полно запасной одежды, так что с предметами первой необходимости проблем не было.

Куда большей неприятностью было то, что спальное место перепачкалось, да и спать ему теперь буквально было негде.

«Можно поспать на кровати Гуань Е», - с оптимизмом подумал Ци Шуюэ.

В конце концов, если не считать каких-то особых обстоятельств, они и так спали вместе... К этому моменту Ци Шуюэ уже благополучно забыл, что привычка «спать вместе» появилась у них совсем недавно.

Теперь, когда все тревоги миновали, Гуань Е не превратился в зомби и вдобавок обзавелся мощной способностью, натянутые до предела нервы Ци Шуюэ мгновенно расслабились. Возбуждение от первого в жизни зрелища сверхспособности быстро схлынуло, и его накрыла с головой накопившаяся за несколько дней недосыпа усталость. Ци Шуюэ потерял глаза, и его голос сделался совсем невесомым:

– Гуань Е, я так хочу спать. Я немного посплю, а потом поговорим.

Произнося это, Ци Шуюэ отчетливо устался на соседнюю кровать. Несмотря на принятое решение, он всё же вежливо уточнил:

– Я ведь лягу на твою кровать, м?

Услышав сонный, чуть заплетающийся голос Ци Шуюэ, Гуань Е почувствовал, как его собственные натянутые нервы тоже непостижимым образом расслабляются, а на сердце разливается щемящая нежность:

– Угу.

– Прости, что разломал кровать, – с опозданием извинился тот. – Отдыхай.

За последнее время Ци Шуюэ натерпелся страху и выбился из сил.

– М-м, – Ци Шуюэ безумно хотелось спать, но при этом он донельзя трепетно относился к чистоте. С закрытыми глазами, полусонный, он карабкался на постель, отчаянно цепляясь за ускользящие силы – надо же переодеться в чистую пижаму, прежде чем завалиться спать.

– Гуань Е... – позвал Ци Шуюэ. – Достань из шкафа ту темно-зеленую пижаму.

Гуань Е принес ее.

Темно-зеленая пижама была шелковой, очень легкой и тонкой, невероятно приятной к телу, от нее пахло порошком после стирки и сушки. Гуань Е протянул вещь, и из-за разошедшихся пологів кровати высунулась беломраморная кисть руки с тонкими, изящными запястьями. Увидев их, Гуань Е тут же до зубовного скрежета захотел обхватить их пальцами, измерить ладонью и откормить наконец Ци Шуюэ, чтобы тот набрал хоть немного веса.

Из-за полога донеслись шуршание и трение ткани. Переодевшись, Ци Шуюэ наконец смог

спокойно улечься.

Он закутался в одеяло с головой, завернувшись так плотно, что стал похож на пухленького кошачьего фургончика. И хотя в следующую секунду он уже готов был клюнуть носом и провалиться в сон, ему казалось, что в голове еще крутится какая-то забота. С трудом приоткрыв глаза, он пробормотал:

– Гуань Е, ты идешь? Спать?

Точно! За последнее время он сам смертельно устал, но ведь Гуань Е точно так же толком не смыкал глаз.

Гуань Е неожиданно для самого себя растаял от этой детской милостивости Ци Шуюэ. От услышанного ему стало так хорошо, что хоть кричи, но голос остался ровным, лишь с ноткой тягучей, липкой нежности:

– Я не хочу спать. Спи.

Ци Шуюэ действительно устал настолько, что у него уже не осталось сил отвечать. Услышав ответ Гуань Е, он отбросил последнюю терзавшую его мысль и стремглав провалился в сон, из которого доносилось лишь его легкое, мерное дыхание.

Гуань Е бесшумно замер за занавеской. Капля сладкого тепла мгновенно испарилась, и его снова затопила промозглый мрак. За панорамным окном занимался рассвет, но казалось, что этот яркий свет не способен пробиться сквозь тьму, окутавшую его с ног до головы.

Между ними была всего лишь тонкая занавеска. Гуань Е мог бы в любой момент легко отдернуть ее, ворваться внутрь и силой превратить это тесное пространство в их общее ложе – точно так же, как он уже делал раньше.

Его маленький господин наивен и капризен, к тому же до крайности не умен в подобных делах. Кто знает, возможно, он бы даже нехотя подвинулся, поделился подушкой и пригласил разделить с ним сладкие сны.

Но он уже не тот безумец из недавних дней, что действовал в помрачении рассудка и лишь по наитию удерживал луну в своих объятиях. Раз уж к нему вернулся разум, он должен понимать, что такое границы, и не сметь ступить на запретную территорию ни единым шагом.

Даже если преградой служит всего лишь этот клочок ткани, который он способен сжечь одним взмахом руки.

До смешного хрупкая преграда.

Разумеется, Гуань Е не собирался совершать ничего непотребного. Однако он и не ушел, просто молча стоял у изголовья, словно призрачная тень, забытая в этом тихом углу. Изредка до него долетал бормотание юного господина во сне. Голос был таким мягким, и раз уж это наверняка не был кошмар, Гуань Е не стал его тревожить.

От легкого движения во сне занавеска, заправленная не до конца, качнулась от сквозняка, и какой-то предмет неожиданно соскользнул с края матраса прямо в руки Гуань Е, поймавшего его с чисто рефлекторной быстротой. Словно легкий снежный ком упал ему на ладонь.

Гуань Е оцепенел.

В его руке оказалась скомканная в тугой комок светло-серая шелковая блуза.

Та самая, которую Ци Шуюэ только что сменил.

Похоже, от страшной усталости Ци Шуюэ не стал аккуратно вешать ее, как обычно, а просто скомкал и швырнул к изголовью или куда-то туда – в общем, сейчас она соскользнула вниз и очутилась прямо на ладони Гуань Е.

На улице стоял жуткий холод, и на блузе давно не осталось тепла ее хозяина, но Гуань Е все равно казалось, что эта крошечная, невесомая вещь невыносимо раскалена и прожигает его кожу.

Поступить правильно означало бы, как и прежде, выстирать ее вручную, отгладить и аккуратно повесить в шкаф молодого господина. Но в этот самый миг хрупкая грань была нечаянно нарушена, запустив необратимый эффект разбитых окон. Уставившись на одежду темным, глубоким взглядом, Гуань Е почувствовал, как от бешеного всплеска эмоций его зрачки слегка наливаются кровью. Не раздумывая больше ни секунды, он резко наклонился, глубоко зарывшись высоким носом в слои легкой, прилегающей к телу ткани, и едва заметно потерялся о мягкую материю. Из распахнутого ворота повеяло ароматом – тонким шлейфом, оставшимся от кожи самого хозяина, сокрытым в глубине его естества.

Очень вкусно пахнет.

Гуань Е это безумно нравилось.

С самого своего рождения он, казалось, ко всему на свете был совершенно равнодушен: слепо выполнял приказы, методично доводил всё до конца, словно самый точный прибор, без усталости вращающийся ради единой высшей цели.

Это был первый раз в его жизни, когда он осознанно и четко понял собственное чувство – Любовь.

Безумную, всепоглощающую любовь, от которой он никогда, ни за что на свете не сможет отказаться.

Высокая стена, которую он с таким трудом воздвиг вокруг себя, рухнула в один миг под натиском этого чувства, обрушившись с грохотом в тишине тесной спальни прямо у него в ушах.

Ци Шуюэ проспал на редкость долго. Тело от долгого лежания совершенно расслабилось, а в голове после пробуждения все еще стоял туман.

Кто-то неведомо когда засунул под одеяло две резиновые грелки с горячей водой, и от них исходило блаженное тепло. Ци Шуюэ подтянул колени к груди, еще немного подремал, как вдруг его нос уловил манящий аромат, доносившийся снаружи. Медленно перебирая ногами, он выбрался из убежища и откинул занавеску.

И как раз вовремя, чтобы увидеть, как Гуань Е возвращается с балкона, аккуратно держа в обеих руках по небольшой кастрюльке с чем-то горячим и ароматным.

Ци Шуюэ: «!»

Гуань Е тут же перевел взгляд на Ци Шуюэ – казалось, он всегда был способен почувствовать любое его движение в ту же секунду.

– Я как раз думал, не пора ли тебя будить, скоро совсем стемнеет, – сказал он. – Но сейчас – самое то.

Две дымящиеся мини-кастрюльки аккуратно опустились на обеденный столик. Ци Шуюэ, явно рассеянно слушая слова Гуань Е, лишь согласно загугукал. Его внимание было безраздельно захвачено едой, а глаза неотрывно следовали за кастрюльками, словно за перышком-дразнилкой перед носом у кота.

Ци Шуюэ вообще-то не отличался хорошим аппетитом и в еде был на редкость привередлив, но в условиях дефицита еды в период апокалипсиса он, на удивление, не капризничал и ел всё подряд: мог полмесяца грызть одни сухие печенья да хлеб. Правда, ел он совсем понемногу, так, словно пара дополнительных ложек требовалась лишь для того, чтобы продлить себе жизнь.

Но сейчас, когда он уже целую вечность не пробовал нормальной горячей еды, да к тому же после целого дня беспробудного сна на голодный желудок, этот ошеломляющий аромат мгновенно разжег в нем зверский аппетит. Послушно встав с постели, он тихонечко и жалобно спросил:

– А что это?

– Быстрорастворимая паста с мясным соусом. Во второй кастрюльке – овощи из набора для быстрого самонагревающегося хот-пота и тушеная говядина, я еще докинул туда немного полукопченой колбасы, – ответил Гуань Е.

Блюд было немного, и из-за скудости запасов Гуань Е считал этот обед донельзя убогим. Подумать только, в прежние времена ел ли Ци Шуюэ вообще такой фастфуд?

Однако в глазах самого Ци Шуюэ этот ужин выглядел едва ли не «роскошным» для времен конца света, пожалуй, даже расточительным. Но раз уж еду добыл Гуань Е, он мог делать с ней всё, что заблагорассудится, и Ци Шуюэ с легким сердцем принял эти правила игры. Поколебавшись ровно две секунды, он всё же с трудом заставил себя как следует умыться, после чего прибежал обратно, с горящими глазами уставившись на дымящуюся снедь.

Гуань Е первым делом наложил ему порцию пасты, которая к тому моменту как раз остыла до идеальной температуры, пропитавшись сочным томатно-мясным соусом. И хотя подобные блюда из одной кастрюли трудно было назвать высокой кулинарией, на вкус вышло потрясающе: ломтики корня лотуса и картофеля приятно и хрустяще пружинили на зубах, а соевые рулетики «сянлин», впитавшие в себя весь бульон, казались невероятно нежными.

Ци Шуюэ намотал пасту на вилку, отправил в рот и только тут опомнился. Пережевывая лакомство, он посмотрел на Гуань Е неммым вопросом в глазах: «?»

Гуань Е непостижимым образом понял его без слов, и уголки его губ едва заметно дрогнули в подобии улыбки:

- Я уже поел.

Только тогда Ци Шуюэ вернулся к трапезе с чистой совестью. Тушеная говядина из закипевшего котелка обладала довольно странным вкусом, и он, поковырявшись, съел лишь крошечный кусочек. Зато колбаса оказалась отменной – видимо, какой-то местный деликатес. Нарезанная тонкими-тонкими кружочками, она сохранила едва хрустящую оболочку, а во рту распускался богатый, сливочно-мясной аромат, от которого Ци Шуюэ от чистого счастья прищурил глаза.

После горячего ужина Ци Шуюэ почувствовал, как по всему телу разливается приятное тепло, и расслабился настолько, что был готов растаять прямо в кресле.

Пожалуй, это был самый аппетитный прием пищи за все последние дни, и съел он явно больше обычного. Однако Гуань Е приготовил еды настолько щедро, что на дне кастрюль с пастой и импровизированным хот-потом осталось еще больше половины. Ци Шуюэ, не любивший переводить продукты, с огорчением посмотрел на остатки, раздумывая, не приберечь ли их на потом раз уж стоит холод, как вдруг Гуань Е молча придвинул кастрюльки к себе и с аппетитом прикончил все остатки в два счета, запихнув в себя остатки лапши и выпив бульон до последней капли.

Ци Шуюэ слегка растерялся и тихонько спросил:

- Ты же говорил...

- Не наелся, - ответил Гуань Е.

Ци Шуюэ: «.»

Ци Шуюэ стало откровенно неловко: зная, как сильно выложился Гуань Е, ему было ужасно стыдно оставлять ему объедки.

Слегка приоткрыв порозовевшие от горячего пара губы, Ци Шуюэ подался вперед и сквозь еще

не рассеявшуюся дымку предложил:

– Братик Е, мне кажется...

Ци Шуюэ редко звал его «братик Е», обычно это проскальзывало лишь тогда, когда он чувствовал за собой вину или пытался поплакаться. Услышав это, Гуань Е почувствовал, будто кто-то легонько царапнул струну у него на сердце, заставив его сладко заныть. Смутно догадываясь, к чему клонит Ци Шуюэ, он заговорил первым:

– Я давно хотел тебе кое о чем сказать. Но боялся, что ты решишь...

Гуань Е упорным, немигающим взглядом уставился на Ци Шуюэ:

– ...что я ненормальный.

<http://bllate.org/book/18797/1870136>